

Участники:

Михаил Алексеевский (КБ "Стрелка", руководитель Центра городской антропологии)

Ирина Ирбитская (Директор Центра градостроительных компетенций РАНХиГС)

Илья Иванов (Ilya Frans, журналист и копирайтер)

Павел Куприянов (ИЭА РАН, к.и.н., научный сотрудник)

Игорь Сафиуллин (экс-начальник отдела по садово-парковой и природоохранной работе парка Зарядье, инженер-проектировщик, дендролог)

Борис Кондаков (Архитектор, историк архитектуры)

Ольга Степанова (сотрудник музея "Палаты бояр Романовых", член Союза краеведов России, участник проекта "Москва, которой нет")

Организаторы:

Дарья Волкова, Екатерина Третьякова, Глеб Ябчанка, Александр Шаповалов

Дарья Волкова: Всем добрый вечер. Меня зовут Даша, это Катя, это Глеб, мы – городские исследователи, мы исследуем Зарядье, и сегодняшний наш круглый стол проходит в рамках лектория Высшей Школы Урбанистики. Сегодня мы будем говорить про мифы, которые создаются вокруг Зарядья. И наверное, чтобы понять, что из этих слухов – слухи, а что – нет, мы спросим это у наших экспертов, которые конечно же знают, как это всё было на самом деле. И такой маленький вопрос, ради интереса: кто-нибудь из присутствующих здесь не был в Зарядье? ... А вы пришли специально на семинар или просто в библиотеку? Ах, вы пришли специально. Очень интересно, а почему вы решили прийти послушать про Зарядье, если вы там не были?

Мужчина в зале: Я не был в парке "Зарядье", вообще в Зарядье я был до того, как там появился парк. То есть, речь про парк? Да, в парке "Зарядье" я не был, меня просто интересуют это место, интересуют его история. И как бы место с такой концентрированной историей на грани метафизики. Про историю с парком я много читал, слышал разные мнения на этот счет. В сам парк меня не тянет пока. То есть, отвечая на ваш вопрос, почему я там не был, потому что я не чувствую какого-то внутреннего посыла туда пойти. Но так как это место меня интересует не в плане того, что там сейчас построено, а в плане вообще какой-то точки сборки. Немного пошло звучит, но мне было бы интересно послушать мнения на этот счёт.

Д.В.: Да, спасибо большое. Как вы знаете, у нас есть список мифов, некоторые из которых, возможно, создали мы сами. Давайте попросим наших экспертов представиться. Скажите, пожалуйста, почему вы пришли сегодня, расскажите вкратце о себе и почему вам интересно Зарядье.

Павел Куприянов: Меня зовут Павел Куприянов, и я пришёл сюда, потому что меня пригласили. Я тоже городской исследователь, я антрополог-историк, я работаю в институте Этнологии и Антропологии Академии Наук. Думаю, что пригласили меня, потому что с Зарядьем я связан довольно плотно. Я двадцать лет работал в музее

“Палаты в Зарядье”, который теперь называется “Палаты бояр Романовых”. В двухтысячных годах мы в Зарядье проводили довольно масштабное антропологическое исследование, мы общались с бывшими жителями района, брали у них интервью. Кроме того, в 2013 году мы с коллегами, в том числе с присутствующим тут Мишей Алексеевским, делали исследование для будущего конкурса. Когда готовилось ТЗ для конкурса, мы проводили специальное заказанное “Стрелкой” исследование, которое, к сожалению, не было учтено. Пока всё.

Ольга Степанова: Здравствуйте, меня зовут Ольга Степанова, я коллега Павла, сейчас я работаю в музее “Палаты бояр Романовых”, и в течении последних лет стараюсь собирать всю информацию о памятниках в Зарядье. В первую очередь интересуюсь как раз историей. Мы готовим материал для нового путеводителя по Зарядью, сталкиваемся со множеством различных источников, а также наш музей, который является старейшим музеем в Москве, а не только в Зарядье, он был открыт в 1859 году, и с появлением парка, конечно же, внимание посетителей парка приковано к музею. И я думаю, что наш музей пригласили на этот круглый стол в частности именно потому что он занимает важное место в среде такого культурного наследия в Зарядье и очень известен и посещаем.

Михаил Алексеевский: Меня зовут Михаил Алексеевский, я являюсь руководителем центра городской антропологии “КБ Стрелка”, и моё отношение с Зарядьем близко к Пашиному, только чуть-чуть попозже период, в составе исследовательской группы, при подготовке международного конкурса на концепцию парка “Зарядье”. В рамках предпроектных исследований мы как раз вместе с Пашей и нашим питерским коллегой Михаилом Лурье из Европейского Университета проводили антропологическое исследование, посвященное Зарядью, его прошлому, настоящему и даже некоторым проекциям, связанным с будущим. И я как раз в этой комбинации отвечал за настоящее, за, так сказать, мифологию, связанную с пустырем, на месте которого впоследствии появился парк. Теперь с большим интересом слежу за тем, что дальше из этого развивается, что из этого получилось. Хотя вот те мифы и та мифология, которые фиксировал я, сейчас практически полностью потеряли своё значение.

Борис Кондаков: Я занимаюсь историей Зарядья XX века, преимущественно историей архитектурной, потому что, как выяснилось, очень много белых пятен, не смотря на то, что много, вроде бы, и публикаций, но на самом деле тема абсолютно не изученная. Сейчас я написал несколько публикаций для сайта Зарядья, который откроется вот уже совсем скоро.

Илья Иванов: Меня зовут Илья. Собственно, Зарядье. Это слово идёт сквозной нитью через всю мою жизнь. Моя бабушка с 42-го по 88-ой годы работала на Старой Площади и непосредственно каждый день свой рабочий наблюдала за эволюцией Зарядья, и первый раз я услышал слово “Зарядье” от неё, ещё до того как мы с мамой там впервые побывали, когда я был совсем-совсем маленький. Я журналист и контент-менеджер и течение последних полугода я провёл много недель в различных архивах, изучая первоисточники. В первую очередь это графические источники по истории территории Зарядья.

Ирина Ирбитская: Здравствуйте, меня зовут Ирина Ирбитская, я архитектор и городской планировщик и директор центра градостроительных компетенций РАНХиГС. Я пришла, потому что меня пригласили хорошие молодые люди, я не могла отказаться от этого приятного приглашения. Что касается Зарядья, я не участвовала в конкурсе, в написании технического задания и так далее, но была свидетелем достаточно отрывочной информации на начало формирования проекта этого места. Спасибо.

Игорь Сафиуллин: Привет. Игорь Сафиуллин, с сегодняшнего дня экс-начальник по природоохранной и садово-парковой работе в парке Зарядье. Работал я в автономном учреждении культуры города Москвы “парк Зарядье”, которое занимается сейчас социокультурными вопросами, культурной программой, с 8 августа прошлого года, но в проекте я гораздо раньше, потому что я участвовал в рабочей группе, которая корректировала американскую концепцию в части растительного наполнения. То есть я в полной мере часть авторского коллектива и моё имя отмечено в официальном буклете. Растительное наполнение, ландшафтный комплекс, готов отвечать на любые вопросы. Что касается мифотворчества, то я скорее здесь не мифотворец, а разрушитель мифов.

Д.В.: Давайте поделим наш круглый стол на три части. Сначала мы поговорим о том, что было вообще до идеи парка в Зарядье, поговорим о том, что было на этой территории, и затем мы обратимся к тому, как появилась идея парка, кто её автор, почему именно этот проект и так далее, а затем мы поговорим о том, что происходит в этом парке, когда он уже создан. Итак, первая часть. Давайте поговорим о территории Зарядья, какой она была до парка. Поговорим про пустырь, про гостиницу “Россия”, про собственно сам район Зарядье. Может быть стоит начать с мифа про стену. Может быть кто-нибудь сможет сказать нам правду: новодел это или нет?

Ил.Ив.: Я слышал, что на предыдущем круглом столе, если не ошибаюсь, кто-то из присутствующих сказал, что китайгородская стена, прясло по Китайгородскому проезду – новодел, и это уже какое-то расхожее мнение. Мой товарищ очень давний тоже вдруг недавно в разговоре сказал: “Да это новодел!” Ну вот как можно опровергнуть это всё. Мы знаем на самом деле довольно много о том, как сносилась китайгородская стена, но это отдельная история, история её сноса 1951-52 годах. Опровергнуть то, что китайгородская стена это новодел, можно очень просто. Есть видео, очень короткое, 1966 года, которое было снято ещё до того, как была выпущена в эксплуатацию первая очередь гостиницы “Россия”, это видео никуда не вошло, просто было снято операторами. Вот, видно стену с печурами. Она руинирована, она недосносена в 1951-52 годах, она снесена до ходовой площадки, и в таком состоянии она находилась до 1968 года, пока не была реставраторами восстановлена в 1968-72 годах. Поэтому всё-таки нынешнее прясло китайгородской стены – не новодел. Доказывается это вполне просто, для этого не нужно приглашать ни реставраторов, чтобы они там говорили, какие кирпичи какого века... А история сноса китайгородской стены в процессе строительства в Зарядье административного высотного здания – это совершенно другая история. Очень много документов существует, в том же ГАРФ-е, Государственном Архиве Российской Федерации есть целое дело, посвященное документообороту между различными инстанциями. В первую очередь документообороту СОВМИН-а СССР, который, собственно, нам открывает историю сноса. Если очень коротко говорить, то 19 апреля, если не ошибаюсь, 1951 года

произошло обрушение парапетной части стены по Москворецкой набережной на протяжении где-то сорока метров, и Правлением Строительства Дворца Советов был поставлен вопрос о полном сносе стены, на что Академия Наук СССР и ряд других видных институтов культуры создали свою комиссию, которая предложила стену не разбирать. Существует обширная переписка, но точку поставил Иосиф Виссарионович Сталин на правах председателя Совета Министров СССР своим документом.

П.К.: В воспоминаниях жителей Зарядья вот это обрушение, о котором было сказано, это трагическое события, в результате этого обрушения погибли люди. Очень многие говорили о том, что это были дети из детского сада. Проходил детский сад, стена обрушилась, и несколько ребят погибли.

Ил.Ив.: Вот этого в документах СОВМИН-а не было.

П.К.: Но это ещё не конец истории. Дальше между жителями возникает спор, потому что кто-то считает, что детский сад погиб, а кто-то считает, что нет. На самом деле погиб не детский сад, а детский сад прошёл мимо незадолго до обрушения. Погибли два мальчика, и называются конкретные имена, из того дома, в котором жил человек, который рассказывал. Это я к тому, что миф – это вещь такая, которая трудноопределима. Мы под мифом можем понимать то, что не соответствует действительности. Миф это такая штука, которая может быть интерпретирована по-разному. Миф это может быть некоторое заблуждение, которое мы опровергаем, опираясь на какое-то достоверное знание, а ещё под мифом можно понимать некий образ. Поэтому мне кажется, что будет более продуктивно, если мы с самого начала определимся, что мы имеем в виду под мифом и мифологией в отношении сегодняшнего разговора. Потому что, даже то что касается вот этой вот истории со стеной, тут можно углубляться в разные стороны. Можно, например, находить в этой истории, которую все жители Зарядья очень часто повторяют, в этом при определенной сноровке можно угледеть строительную жертву. Это такой топос известный, о котором Миша может сказать. При строительстве какого-то большого здания или просто здания часто приносится некая жертва. Такая связка культурная. И здесь можно увидеть проявление этой связки. А можно говорить, а в чём действительно правда, кто помер, кто погиб в результате этого обрушения: детский сад или не детский сад. И это некоторые разные ракурсы, через которые можно посмотреть на эту ситуацию.

Д.В.: Ну мы имели в виду под развенчиваем мифов, что есть определённая какая-то не_правда, то есть... Мы же не знаем точно, чьей идеей был парк Зарядье изначально. Мы можем найти доказательства той версии или другой и понять, как сложилось то или иное мнение.

М.А.: Можно я чуть-чуть добавлю в продолжение того, что сказал Паша? Потому что мне, конечно, сама постановка темы круглого стола в этом смысле показалась очень спорной, скажем так. Именно где слово “миф” и слово “правда” используются. Что как раз наводит на мысль, что мы будем развенчивать и устанавливать, что же будет на самом деле. Как фольклорист по первому своему образованию, я конечно категорически против такой трактовки мифа. У нас это один из преподавателей называл “замшелым позитивизмом”, когда нужно выяснить, типа, “а

что же было на самом деле?”. “Дремучие крестьяне до сих пор верят в суеверия”, “глупые горожане строят мифы вокруг...”, а мы должны их развенчивать, задача науки – навести порядок, разобраться, что же было всё-таки на самом деле. Во-первых, хочу сказать, что современное изучение мифов вообще в другом направлении ведётся, и куда более продуктивно и интересно, в том числе по отношению к Зарядью, и с моей точки зрения, рассматривать именно причины возникновения тех или иных мифов. За ними может стоять правда, за ними может стоять неправда, но когда, предположим, появляется мифология Зарядья как проклятого места... Мы понимаем, что миф – это способ интерпретации некоторой реальности. И вот почему она интерпретируется именно таким образом, а не другим, почему появляются сюжеты про задавленных детей или почему появляются сюжеты о том, что Путин создал парк “Зарядье”, вот об этом, мне кажется, имело бы смысл говорить, а не перечислять мифы, типа, ну-ка там, правда-неправда. В общем, я предлагаю как-то отказаться от такой системы.

Д.В.: Давайте поговорим о том, для чего сносилось Зарядье. Может кто-нибудь нам рассказать, какова была цель?

О.С.: Множество сведений, которые не только местные жители оставляли, но и реставраторы, писатели, люди, связанные своим прошлым с Зарядьем, говорили, что укоренился стереотип о том, что в Зарядье ничего красивого, живописного нет. В частности, об этом писал ещё путеводитель по Москве 1903 года, называя этот район трущобами. Это частое упоминание в литературе о Москве дореволюционной создало какой-то неприятный образ Зарядья как страшного грязного места. В частности, один из писателей Москвы писал: “Улицы, переулки, дома и квартиры были грязны до невозможности и пропитаны ужасным воздухом. Надо было иметь большую привычку, чтобы пробыть в Зарядье хоть час.” Ну, конечно, это было связано с кварталами, с обстановкой и с тем, как жили люди в этом районе. И это, мне кажется, даже не миф, а какой-то устоявшийся исторический факт, стереотип. За этими домами многие не видели спрятанных внутри старинных подвалов, палат, памятников. И когда начали изучать Зарядье подробно, ещё в конце 30-х, подробнее в конце 40-50-х, то уже тогда во многом, если понимать стереотип как миф, он был развенчан. Потому что были сделаны обмеры, обнаружен Мытный Двор, обнаружены старинные палаты в Ершовом переулке. И тогда уже, после начала переселения жителей, вот эти исторические памятники, просмотренные в начале XX века, стали всплывать наружу. Но наиболее яркая история, конечно, связана с Английским Двором. Я думаю, практически всем она знакома, кто связан с историей Зарядья. Автор проекта гостиницы “Россия”, Дмитрий Чечулин, предлагал провести по тому месту, где расположен Английский Двор, въездной пандус. Только на его месте стоял жилой дом. Четырёхэтажный, он был перестроен. И обыватели, жители района и даже некоторые архитекторы не видели в нём памятник, пока, вместе с каменщиками, Пётр Вороновский договорившись с директором библиотеки, которая располагалась там, при работе в библиотеке не сделал необходимые обмеры и убедил своих коллег до начала официальной реставрации восстановить небольшой участок фасада. И тогда все убедились в том, что никакой это не жилой ветхий дом, а что это палата Английского Двора, считавшаяся утраченной в 1917 году. Была изменена схема, въездной пандус пошёл с другой стороны. Эта ситуация реставрации палат началась с конца 60-х годов, и она изменила отношение к Зарядью как к району трущоб и как к такому месту, где нечего смотреть.

П.К.: И стала формировать новый миф.

Ил.Ив.: Можно я ещё чуть добавлю в эту историю про обмеры и про вскрытие под позднейшими наслоениями XIX века различных палат, в том числе в Ершовом переулке? Дело в том, что перед Великой Отечественной Войной, в 1940 году, было принято решение о строительстве в Зарядье второго дома Совнаркома. Первый дом – это нынешняя Госдума. Авторами проекта были братья Веснины. Проект своими очертаниями, корпусами второго дома СНК, практически повторял площадь Зарядья, то есть всё Зарядье подчистую, включая и все церкви, должно было быть снесено. Видимо, терзаясь угрызениями совести, первый президент Академии Архитектуры, Виктор Веснин, выступил с инициативой на имя председателя СНК, товарища Молотова, о немедленном научном изучении и фиксации всех памятников Зарядья как церквей, Дома Боярина, как тогда назывались палаты бояр Романовых, и всех других памятников, о выявлении под позднейшим наслоением. Это было реализовано специалистами Музея Архитектуры. Эти обмеры, собственно, хранятся в фондах. И последний обмер – там не всё успели обмерить – датируется 1 июня 1941 года. То есть после начала войны всё это прекратили. Там есть описи этих палат с примерной их датировкой, но что самое интересное, так как всё должно было быть очень скоро снесено, до войны планировался так называемый “Музей архитектуры народов СССР” в Коломенском. Академия Архитектуры разработала проект разборки и переноса в Коломенское Вострого угла Китай-Города, то есть Наугольной и Космодамианской башни церкви Зачатия Анны и Дом Боярина. То есть, если бы не началась Великая Отечественная, и был бы возведён дом СНК, то Зарядье и его памятники перестали бы полностью существовать, но с другой стороны, в Коломенском появился бы такой...

П.К.: Романовские Палаты были бы в Коломенском.

Ил.Ив.: Да. Вместе с Наугольной башней и Космодамианскими воротами.

П.К.: Скажите, Илья, а много памятников там обнаружили?

Ил.Ив.: Я сейчас могу перечислить, есть документ. Например, в Мокринском переулке, дом 7 по-моему, палата конца XVII века, одна столпная палата, другая с коробовым сводом.

П.К.: В моём представлении, в муаре там где-то я видел около трёх палат на территории Зарядья. Или их больше?

Ил.Ив.: Их больше. Ну, раза в два с половиной. То есть их около десяти.

Д.В.: Давайте поговорим про то, что собирались поставить на месте снесённого Зарядья.

П.К.: А вас интересует миф по этому поводу? Или на самом деле что было?

Д.В.: И то, и другое.

П.К.: Ну вот что касается мифов, я могу сказать, что на месте снесённого Зарядья планируется поставить огромный дом, куда переедет Иосиф Виссарионович Сталин вместе с всем аппаратом правительства, а под ним будет огромная газово-атомное убежище, где можно будет прятаться. А на самом деле что планировалось построить.. Ну там на протяжении долгой истории много всего планировалось. Сначала Дом Промышленности, потом Дом Наркома Тяжелой Промышленности, потом второй дом Совнаркома ну и так далее. Я в точности не помню всю эту историю, но там было несколько проектов. Я думаю, что архитекторы больше расскажут.

Б.К.: Я попытаюсь ответить на этот вопрос. На самом деле, если искать точку, когда история Зарядья пошла по какому-то особенному пути, когда была нарушена историческая логика, я бы назвал как дату 1931 год, когда в Москве действовала специальная комиссия по поиску площадки, подходящей для строительства Дворца Советов, и рассматривались большие пустыри, большие свободные пространства, и кварталы с ветхой застройкой. Среди них, например, были Болотная площадь и Зарядье. В итоге, как мы знаем, было выбрано место Храма Христа Спасителя лично Сталиным. После этого начинает складываться центр Москвы, из него начинает вытесняться жилая застройка, и центр начинает видеться как большой комплекс административных зданий, больших зданий-монументов. И вот уже в рамках этой логики следует рассматривать все последующие проекты, которые появлялись на месте Зарядья, и в том числе гостиница “Россия”, которая появилась, казалось бы, в другую эпоху, но на самом деле она имеет в себе черты, схожие с проектом 40-го года.

Д.В.: Давайте тогда к гостинице “Россия” и перейдём. Я не помню, почему было решено снести гостиницу?

О.С.: Официальная причина была опубликована: гостиница не соответствовала международному уровню размещения. Называя эту причину, те люди, которые предлагали снос, ничего не говорили ни об износе конструкции, ни о самой гостинице. Вот, “несоответствие международному уровню размещения”. Что кроется за этой фразой? Наверное, не одно значение.

Екатерина Третьякова: Дальше мы хотели бы поговорить про настоящее. Итак, есть несколько вариантов того, чья же была идея создания парка, как уже сказал Михаил. Мы не будем сейчас говорить о том, какая идея была, верная или неверная, но почему кто-то говорит, что это была идея Путина, а кто-то говорит, что идея Собянина, и также я думаю, что Ирина думает, что это была идея Владычева. Или это была идея Кузнецова? Почему нет единого автора, как вы думаете?

Ир.Ир.: Ну я не знаю, почему нет единого автора, и возможно, что я создаю ещё один миф, потому что я не знаю автора идеи разбить парк на этой территории достоверного, как когда ты видишь документ, в котором написано “автор создания парка такой-то”. Такими документами мы не обладаем. Я могу рассказать лишь ту историю, свидетелем которой я фрагментарно была. Поскольку я с Вячеславом Леонидовичем работала с 2008 года, мы, понятно, не только какие-то рабочие моменты обсуждали совместно, но и массу маленьких индивидуальных историй. Ещё

до конкурса Вячеслав Леонидович регулярно ходил к Первому Лицу убеждать его в том, что нужен на этом месте парк. Причем аргументация Вячеслава Леонидовича была достаточно простая: тот уровень строительного комплекса, что мы имеем сейчас и в то время, не соответствует тому, чтобы развивать эту значительную, существенную территорию. Это такая точка, самое ядро страны. И поэтому идея парка и задача была в том, чтобы как бы зарезервировать эту территорию с одной стороны, с другой стороны это, конечно, такой серьёзный шаг, потому что это вне конкуренции, что касается мирового позиционирования, потому что ни один крупный город мира, столицы не обладают таким потенциалом и возможностью, чтобы в самом сердце разбить парк такого значительного размера. Теперь, был ли Вячеслав Леонидович автором этой идеи? У меня нет уверенности. Он многие идеи очень многих авторов, если был с ними согласен, поддерживал и продвигал на самый верх, потому что был неофициальным советником после Медведева. И конечно, использовал возможности, чтобы продвигать какие-то правильные на его взгляд идеи. Эта идея обсуждалась, безусловно, в Союзе Московских Архитекторов. В обсуждении этой идеи на самых ранних этапах принимал участие бывший главный архитектор Москвы, Александр Викторович Кузьмин. Теперь, в чём у меня есть уверенность. Ни один из существующих текущих чиновников уж точно не является автором идеи разбить на этой территории парк “Зарядье”. Скорее всего это коллективное решение, а кто был изначальный автор, мы не знаем.

Е.Т.: Все присутствующие согласны с тем, что автор идеи не известен?

Ил.Ив.: Понятно, что идея создать парк в Зарядье в той или иной форму существует уже давно, ей около ста лет. То есть с 20-х годов, с заседаний общества “Старая Москва”, там тоже высказывались различные предложения, потом, по-моему, Борис уточнит, наверное, Зарядью отводилась роль такого паркового пространства при проектировке здания Наркома Тяжелой Промышленности. Если говорить о нашей современной истории, то, насколько я знаю, в начале 2011 года по инициативе Петра Кудрявцева, директора компании Citymakers, была создана инициативная группа “Друзья Зарядья”, которая так или иначе оформила эту идею, и с ней начала ходить по кабинетам, убеждая представителей власти в том, что это наилучший выход из сложившегося положения. И возможно, что через Вячеслава Леонидовича Глазычева это дошло до Первого Лица. Возможно, цепочка была такой, а может быть и какой-то другой, но можно лишь только предполагать.

Ир.Ир.: Совершенно точно изначально автором идеи не мог быть Пётр Кудрявцев, так как на тот момент он работал с нами, и он не был тогда ещё руководителем Citymakers, а наоборот... В общем, это была другая компания, созданная совместно с Петром Широй, и мы трое, Вячеслав Леонидович Глазычев, я и Сергей Зуев, были приглашены в эту компанию как эксперты по разным направлениям. И Пётр узнал об этой идее от Вячеслава Леонидовича, это я могу достоверно сказать.

Глеб Ябчанка: Только что мы создали и развеяли миф.

Е.Т.: Здесь было упомянуто исследование, которое проводилось до конкурса по созданию парка, и в ходе этого исследования были опрошены жители, насколько я

понимаю. Что жители хотели видеть на этом месте? Хотели они парк или что-то другое?

М.А.: Я могу сказать так, что когда проводилось это исследование, идея про парк была уже громко озвучена, и если возвращаться к теме, почему же возникают мифы, и кто же был первооснователем, то мне кажется, что тут ответ очень простой. Так как создан был официальный государственный миф. Может кто-то помнит историческую встречу Владимира Владимировича Путина с мэром Москвы, когда, значит, они сидят под телекамерами, рассматривают два проекта, построить здание побольше или построить здание поменьше, и тут Владимир Владимирович говорит: “А давайте мы прямо сейчас поедem и посмотрим, что же там происходит в Зарядье!” Дальше они под камерами ходят по пустырю, гудят машины, и вдруг Владимир Владимирович говорит: “Слушайте, друзья. Вы слышите как гудят машины? Если мы что-нибудь построим большое, то они будут гудеть так, что мало не покажется, давайте мы лучше сделаем парк для москвичей.” И все такие: “Гениально! Гениальное решение, прекрасно! То что нужно!” Вот. Ну это тот миф, который транслировался через телекамеры. Так как параллельно не было никаких достоверных источников информации о том, что же было на самом деле, кто же всё придумал, ну вот теперь мы все дружно пытаемся распутать эти хвосты. Что касается нашего исследования, мы действительно проводили его уже когда было четкое понимание того, что парку быть, но никто не понимал, каким он будет. И на эту тему было довольно много странных идей. Если кто-то помнит, по горячим следам, только состоялась эта историческая встреча, как тут же объявили почти сразу конкурс. Мог принимать участие любой желающий, правилами конкурса были просто границы территории. По меткому замечанию Григория Исааковича Ревзина этот конкурс получил прозвище “конкурс детских рисунков”, потому что ни одно уважающее себя бюро не стало участвовать в этой профанации, зато талантливые граждане со всей страны понапридумывали такого безумия... Мой любимый проект – две аллеи крест-накрест, аллея Величия России и аллея Героев России. Русский крест. Мне кажется, это очень яркий пример того, как мог бы выглядеть парк “Зарядье”. Соответственно, когда мы проводили наше исследование, в чём оно заключалось, зачем мы его проводили, и антропология и проектирование парков, как это связано. Собственно, тогда КБ Стрелка готовила техническое задание для нормального конкурса международного, где важно было максимально проработать все аспекты, касающиеся территории, запретов, ограничений, предложений. И тут было довольно важно понять позицию не только горожан... Все были согласны с тем, что парк это очень классно, лучше иметь парк, чем что-нибудь ещё, но в общем лобовые вопросы “что бы вы хотели” как правило порождали идею озера, лебедей, красивые кусты. На самом деле это не продуктивная идея, так исследования не проводятся, вернее проводятся, но не имеют большого смысла. Из того, что тогда для нас было интересно и важно, и что, как кажется, мы можем поставить себе в заслугу, это то, что этот парк в итоге получил название “Зарядье”. Опять же, про это мало кто помнит, но в своё время этот парк должен был называться парк “Россия”. В этом была некоторая логика. На этом месте была гостиница “Россия”, и как бы парк “Россия” – достойный наследник гостиницы. С другой стороны я думаю, что в этом зале все прекрасно понимают, что по определению ничего хорошего под названием “парк Россия” спроектировать и построить нельзя. Только вот действительно, Величие России и Слава России [показывает руками скрещенные аллеи]. Вот это хороший проект для такого парка. Мы

с коллегами, в том числе с Павлом и отсутствующим здесь Михаилом Лурье, готовили аналитическую записку, доказывающую, что парк не нужно называть парком “Россия”, и доказывающую, что его нужно называть “Зарядье”. Мы даже проводили специальные экспериментальные исследования. Например, в начале Варварки стояли наши исследователи, подходили ко всем подряд прохожим и спрашивали, как пройти в Зарядье. И это был такой провокационный вопрос, потому что в Зарядье... – ну, какое Зарядье, его снесли уже. Есть забор, есть стройплощадка. Но для нас было важно понять, насколько люди вообще знают это название, как они к нему относятся, как они его воспринимают. И, в частности, удалось выяснить, что среди тех людей, которые там ходят слово «Зарядье» довольно хорошо известно, во многом благодаря кинотеатру «Зарядье», который уже так назывался и который выступил преемником исторической памяти о месте. Ну и, разумеется, Палаты бояр Романовых в Зарядье, Патриаршее подворье в Зарядье. Слово было, слово сохранилось, слово вызывало положительные эмоции. И одним из решающих наших аргументов, – там их было много на самом деле, на три страницы была записка, включая то, например, что сказать «Поедем в “Зарядье”» сильно комфортнее, чем сказать, например, «Поедем в “Россию”», – но один из, наверное, главных аргументов заключался в том, что в советское время назвать гостиницу «Россия» – в этом было на самом деле легкое вольнодумство, потому что страна называлась немножко по-другому. Если бы это была гостиница «Советский Союз» или гостиница «СССР», это было бы примерно так же кондово и топорно как и парк «Россия». А так как название страны поменялось, то теперь совпадать они не должны. В общем, наша записка была отправлена какими-то хитрыми путями вверх и сработала. И вот когда я слышу «Парк “Зарядье”» я всегда немножко улыбаюсь, на уровне лингвистическом. Ласкает слух.

П.К.: А я плачу.

М.А.: Ну вот а Паша плачет, главное что он больше думает про [нрзб.]

П.К.: Потому что единственная наша рекомендация, которую [выполнили].

М.А.: Ну да, одна из немногих, не будем лукавить.

П.К.: Самое главное, что, несмотря на то, что название приняли «Зарядье», по сути-то парк остался парком «Россия», потому что репрезентирует не городские принципы, а национальные. Ну, в рамках страны. И еще, Миша не сказал про то, что, помимо простых людей, которых мы опрашивали, мы еще разговаривали с людьми, которые там работают и регулярно там находятся, для которых Зарядье было повседневностью, и понятно, что у музейщиков, которые там, у Патриаршего подворья, которое там, и у тех офисов, которые находились в тех домах, которые сейчас вроде как сносят, 12 и 14 по Варварке, у них было свое представление о том, что должно быть на этом месте и свои запросы и свои опасения по поводу этого парка. В частности, насколько я помню, в Палатах Романовых речь шла о том, что создание парка, появление парка здесь приведет к значительному увеличению потока с которым, например, музей может не справиться. «Английский двор», наоборот, хотел чтобы случился парк, он был заинтересован в этом, потому что они надеялись, что у них под это дело получится реконструировать небольшой сад при Английском подворье. Что не получилось, правда. А что касается Патриаршего подворья, то там

тоже были разные мнения: кто-то говорил, что это два типа пространства, которые плохо друг с другом дружат – парк и храм, – а кто-то говорил, что, наоборот, так и должно быть, чтобы они были все были рядом, вместе, и, таким образом, люди чтобы из парка приходили в храм, а люди из храма шли в парк, и все это должно быть интегрировано, взаимосвязано и так далее.

М.А.: Могу добавить по поводу Английского двора, что одна из первых новостей – я, конечно, мониторил все новости как только открылся парк – там была такая жизнерадостная реляция: «Рекордные очереди случились в музее “Английский двор” в связи с открытием парка “Зарядье”». И я про себя подумал: «Да, кажется, мы что-то про это писали».

Б.К.: По поводу всех этих игр с названиями, я хочу дополнить, что гостиница «Россия» на самом деле имела название гостиница «Зарядье», и уже на финальной стадии строительства она была незаметно переименована в «Россию». И в одной из первых статей, которые удалось обнаружить, где фигурирует уже гостиница с названием «Россия», там употребляется такой эпитет «дворец русского гостеприимства», то есть не советского, а именно русского. Если говорить про чувство места, какое-то особенное, Зарядье, то наверное следует упомянуть, что это место связано с первой, во всяком случае известной, градозащитной инициативой, когда в 1961-ом году, в тот момент, когда уже большая часть исторического Зарядья была снесена, в Москве прошел круглый стол, на котором собрались представители творческой интеллигенции, не только архитекторы, которые защищали место от строительства гостиницы «Россия». Это достаточно неожиданно, потому что, если изучать тему, то где-то к концу 1960-ых там, очевидно, уже происходят какие-то изменения: и генплан 1971-ого года, в нем появляются охранные зоны, но, видимо, этот слом логики произошел где-то в момент строительства Нового Арбата и гостиницы «Россия».

П.К.: А можно еще одно наблюдение по поводу названия? Раньше под словом «Зарядье» понимался район, потом, постепенно, с исчезновением района и возникновением нового пространства с гостиницей «Россия», это название вымывалось из общественного сознания, из памяти москвичей, оставаясь только в названии музея, а потом и названии кинотеатра, потом и музей поменял название и стал называться «Палаты бояр Романовых», а не «Палаты в Зарядье», и остался только кинотеатр, а потом, когда и кинотеатр приказал долго жить вместе с гостиницей «Россия», остался маленький магазин церковной утвари при Патриаршем подворье, который тоже назывался «Зарядье». Это был единственный локус, который сохранял этот топоним. Но, так или иначе, до недавних пор – а именно до сентября 2017-ого года – под словом «Зарядье» понималось некое место, некое пространство, часть Москвы, район, а сейчас, из-за того, что слова «парк» и «Зарядье» упоминаются вместе, настойчиво и только так, то «Зарядье» воспринимается как название парка. И то, с чего началась наша сегодняшняя встреча, когда вы спросили, был ли человек в Зарядье и он вынужден был пояснить, что он в Зарядье-то был, но он не был в парке, предполагая, что вы имеете ввиду парк, и это очень показательно, потому что, когда сегодня говоришь «Зарядье», люди думают, что речь идет о парке и, скорее всего, они правы, речь идет [обычно] о парке. То есть такое, сужение, как бы сказать, смысла, денотата, можно его зафиксировать.

И.С.: Однако, знаете, когда снег не чистят на вашей территории, а в парке чистят – как раз таки [не чистят] в полосе музеев, палат и так далее – обращения «почему не чищен снег?» идут к нам, в парк «Зарядье». Потому что у нас же разграничение, понимаете, федеральное и московское учреждение, там все немножечко по-другому устроено.

О.С.: На многих сайтах в качестве перечня объектов [«Зарядья»] указаны музеи, храмы и объекты парка, и для многих людей, которые мало знакомы с этой темой, это слилось в один общий котел и не разграничивается. Тем более, что на официальном сайте тоже это в одном общем перечне.

П.К.: Вот это, мне кажется, интересная тема для наблюдения: в каких ситуациях разграничивается и в каких ситуациях не разграничивается. И я думаю, что мы еще будем не раз сталкиваться с этой непроясненностью соотношения объекта и его названия.

Ил.Ив.: Можно задать коллеге из Палат Романовых вопрос? Раз уж мы начали говорить о легендах – слово мифы, наверное, здесь [неуместно] – то, может быть, поговорим чуть-чуть о легендах Палат Романовых? У меня, в данном случае, есть такой вопрос: насколько я понимаю, и современная церковная историография, и дореволюционная историография, они утверждали, что 12 июля 1596-ого года Михаил Федорович, первый Романов на Российском Престоле, он родился в усадьбе Романовых на Варварке в Зарядье. При всем при этом, видимо, советские ученые этот тезис оспаривали, поскольку никаких документальных подтверждений ему нет. Скажите, прав ли я, если сделаю вывод, что считать, действительно ли Михаил Федорович родился там или он там не родился, родился в каком-то другом месте, это личное дело каждого? То есть я, например, верю, что он там родился, а кто-то в это не верит, и он имеет тоже на это право.

О.С.: Ну так можно о многом сказать. При открытии музея специальная комиссия могла иметь в своем распоряжении какие-то документы, которые не дошли до нас. И выводы этой комиссии, конечно, могут быть оспорены, но для этого нужно провести огромное, глобальное исследование «а где же он родился на самом деле?». Комиссия, созданная накануне открытия музея, сделала вывод о том, что Михаил Романов родился на усадьбе, то есть не в здании Палат Романовых, которые сейчас являются музеем,... [Ил.Ив.: В бане.] ... да, а на территории усадьбы. Сопоставляя, видимо, сохранившиеся источники, а также записи где могла в это время находиться семья, но впоследствии это очень часто оспаривалось, по той самой причине, что монахи часто указывали в качестве места рождения не Палаты бояр, где расположен музей, а другую постройку, обрушившуюся от ветхости еще до того как музей успели открыть. И эта идея открытия музея на этом месте появилась когда оставались единичные постройки от усадьбы, и тогда выбрали ту постройку, которая в своем основании имеет подклет и подвалы, особенно подвалы, относившиеся к этой эпохе. И другого выхода у комиссии, [кроме] как сделать такие выводы, не было, чтобы признать это место мемориальным. Даже если он не родился в этих палатах, то семья Романовых проживала на территории усадьбы в то время, когда там находились

нижние части существующего здания, и это дало основания указывать этот дом как мемориальный.

Ил.Ив.: До революции там находилась еще колыбель Михаила Федоровича, не знаю, подлинная или нет, но ее Прокудин-Горский сфотографировал даже в цвете. И она, насколько я понимаю, исчезла после революции куда-то. Ваши экскурсоводы говорят, что она, вроде как, в Оружейную Палату была передана.

П.К.: Дело в том, что музей до 1918-ого года находился в ведении Оружейной Палаты, а после 1918-ого года поступил...

О.С.: ... в Исторический музей. Он переименовал его в «Дом Боярина» и все ценности и реликвии, которые относились к семье Романовых, а также посуда, которая была выдана из Оружейной Палаты в экспозицию, была передана обратно. Собственно, с этим связано переименование музея, а впоследствии он вообще стал музеем фондовых выставок. Но мне кажется, мы немного удалились от основной темы дискуссии.

Е.Т.: Да, удалились, но это очень интересно, что, даже обсуждая сегодня Зарядье, мы обсуждаем не только власть сегодняшнюю, но и власть многие столетия назад.

П.К.: Можно два тезиса? По поводу предыдущего и по поводу того, что вы сказали. Я хочу сказать, что есть альтернативная версия, которая локализует место рождения Михаила Федоровича в Костроме, и вы попробуйте сказать там...

Ил.Ив.: В усадьбе костромской...

П.К.: Нет-нет, в монастыре Ипатьевском. Там тоже есть Палаты бояр Романовых, которые отреставрированы тем же Рихтером, и вы там попробуйте сказать, что Михаил Федорович родился в Москве, а не у них. Но, я хочу сказать, что с исторической точки зрения возможно, что мы никогда и не добьемся и не найдем того самого документа, где будет написано, что «вот здесь, у нас, подписанному верить, родился будущий царь Михаил Федорович». А если найдем, то он будет какой-то неправильный.

Ил.Ив.: Именно поэтому это личное дело каждого: верить или не верить.

П.К.: Ну ровно так же, как считать что Москва основана в 1147 году или нет, это вопрос конвенции. А что касается власти, я хочу сказать, что это тоже не случайно, потому что Зарядье – это такое место власти, это одна из основополагающих смысловых точек. И эта идея, она по-разному осваивается в разных контекстах разными людьми. И то, что сейчас создание этого парка несчастного приписывается Путину или Собянину – это тоже не случайно, это очередная эманация, так сказать, этой же идеи.

Михал Муравски: Это же правда, что Владимир Владимирович родился в Зарядье?

[дружный смех]

П.К.: Владимир Владимирович? Не исключено. Нет, но я боюсь, что тут с Зарядьем будет конкурировать не только Кострома, а еще много других мест.

М.А.: Еще не пришло время чтобы узнать правду, да.

Е.Т.: И мы опять возвращаемся к дню сегодняшнему. «Зарядье» открылось. Туда повалили толпы. Почему они повалили и было ли это предрекаемо? Рассчитывали ли, что именно такого масштаба спрос вызовет открытие парка? Почему и было ли можно это предвидеть? У кого-нибудь есть ответы на эти вопросы?

М.А.: Я могу сказать, что в том самом исследовании, о котором мы уже неоднократно сегодня говорили, одним из выводов и рекомендаций, которые мы давали, [была] рекомендация не превращать его в парк-аттракцион, который будет вызывать большой-большой интерес, как бы парк-чудо, парк-диковинка. Потому что, помимо того, что эта концепция довольно уязвимая с точки зрения тех самых исторических смыслов, о которых мы довольно много тут говорили, тут все еще упирается в его, с одной стороны, крайне ограниченные объемы, размеры территории, собственно, очень маленькие, а с другой стороны – в соседство с Красной Площадью, страшно забитой туристами. Понятно, что если у нас помимо такого мощного аттрактора рядом появляется еще один аттрактор, то вся толпа хлынет туда. Но, в конечном счете, сама концепция парка, победивший проект, она ровным счетом заключалась в том, чего мы не рекомендовали, вернее, наоборот рекомендовали не делать. Это действительно футуристический парк-диковинка, в связи с этими ландшафтами и всякими чудесами, растительными чудесами, которые тоже свою мифологию вызвали. В этом смысле предварительный расчет потоков пешеходных, который проводился, он уже показывал, что это будет невероятно используемый парк, концепция это еще усугубила, а реальность оказалась еще более как бы... Но это еще лето не наступило, друзья, я вот с ужасом думаю, что будет, когда...

И.С.: А вы считали поток, да?

М.А.: Не конкретно мы, но наши коллеги, которые тоже участвовали в разработке этого ТЗ. Там была, я сейчас боюсь прорваться, сколько там миллионов в год, но какая-то цифра была.

И.С.: Не в год, а именно в сутки, в час и так далее. Потому что существуют нормативы при проектировании, которые определяют предельную рекреационную нагрузку, при превышении которой наступает деградация насаждений. Собственно говоря, при таком залповом запуске это и произошло, это был стресс. Но сейчас, кстати говоря, поток нормализовался...

М.А.: Ну еще да, погода располагает, я и говорю.

И.С.: ... нет-нет-нет, это уже было буквально через месяц и поток нормализовался.

М.А.: Ну, будем надеяться на лучшее, мне тоже очень хочется, чтобы поток нормализовался.

Е.Т.: Вы упомянули, что было залповое открытие, и залповое открытие не ушло, что будет столько людей. Почему? Это было сделано с какой-то целью? То есть получается изначально парк ставился в уязвимое положение, он не был предусмотрен для большого количества людей...

И.С.: Это было политическое решение, открывать именно таким образом.

Е.Т.: А почему?

И.С.: Я не могу комментировать политическое решение.

М.А.: Я бы сказал – традиция у нас, все открывается к празднику. Мне кажется, это вполне ожидаемая традиция. Еще как бы экстренно достроить и открыть полудостроенное. Это абсолютная классика.

И.С.: Администрация парка, на самом деле, предлагала поступить очень просто: регулировать именно определенными порциями проход. И это должны были быть пригласительные билеты. Они должны были быть бесплатные, естественно. А потом уже, при нормализации потока, доступ уже должен был быть открыт, но, к сожалению, политическое решение было таково, что никаких билетов, все проходят в порядке живой очереди: сколько пришло – столько и придет.

Е.Т.: Подобная система была в какой-то мере реализована на мосту, когда тоже запускали вот такими...

И.С.: Нет, вы знаете, на мосту другая система была. Во-первых, сначала реализовали поток в одном направлении, потому что, действительно, в первые дни упустили это столпотворение и организовали именно поток в одном направлении, а потом, конечно, регулировали именно проход определенных групп очередных.

Е.Т.: И тут мы подходим к одному из самых интересных мифов современности о «Зарядье»: это растения. Мы не будем рассуждать, правда ли это было или неправда, правда ли люди брали растения, клали себе в сумки и продавали на Avito, мы зададим себе другой вопрос: если это была правда, то почему люди это делали, а если неправда – почему родился такой образ? Это было создано в рамках соцсетей самими жителями или кто за этим стоит и почему и как это происходило?

И.С.: Я могу рассказать. Это все пошло с моего комментария по телефону журналистам «Комсомольской Правды», причем я комментировал исключительно растительную часть, но они тут же мне приплюсовали в моих комментариях и ответ по разбитым стеклам и так далее – вообще не понимаю, откуда это появилось. Что касается тех количеств растений, которые были уничтожены, причем в рублях. Но, поскольку мы не являемся сметчиками, мы эксплуатирующая организация, то, соответственно, я сказал свои предварительные оценки: 10 000 посадочных единиц.

Что такое 10 000 посадочных единиц мелких растений? Это 6 соток плотного напочвенного покрова. Вы представляете, да, что такое шесть соток? Общая площадь парка – 10.2 га. То есть это совершенно минимальные количества.

Е.Т.: Это чья-то дача.

И.С.: Да, это чья-то дача, но вы также должны понимать, что эти растения абсолютно легко размножаются. Конечно, для многих 10 000 растений это что-то такое необыкновенное и большое, но, уверяю вас, каждую травинку в газоне посчитать – это будет примерно столько же. Это раздуто, это абсолютно раздутая история.

Е.Т.: А почему это было раздуто? С точки зрения антропологии.

М.А.: Я могу сказать, что это не единственная такая раздутая и педалируемая тема. Также, если кто-то помнит, в соцсетях активно распространялась «инструкция», которую якобы выдавали в какой-то школе для школьников, которые будут посещать парк «Зарядье» в день открытия, где, среди прочего, помимо того, что им было запрещено все, что только можно – не кричать, не шуметь, двигаться ровными колоннами, – еще просили взять денег за билет, который, как мы знаем, изначально всегда был бесплатным. То есть, это мощный фейк. Подозреваю, что [так же и] история про продажу на Avito – мы на ранних стадиях поймали это объявление, оно было удалено в тот же самый день когда появилось, но я успел сделать скриншот. Очевидным образом, подозреваю, «Зарядье» стало полем битвы, дискуссии, ожесточенной, о градостроительной политике вообще. И довольно многие люди хотели, чтобы этот проект как-то триумфально захлебнулся и нахлобучился. С другой стороны, люди некоторые хотели максимально показать, какой он успешный и как там здорово. И вот интернет стал неким полем битвы, интернет и медиа стали полем битвы. В одних СМИ были восторженные репортажи и невероятно красивые фотографии, а в других активно муссировалась тема вырванных растений там, 10 000, и так далее. Опять же, это нас приводит не к вопросу о том, «что же было на самом деле?», сколько все-таки травинок конкретно вырвали или затоптали, а к тому, почему в восприятии разных категорий москвичей, журналистов, блогеров, эта тема оказалась продуктивной и в этом смысле, кажется, «Зарядье» это как лакмусовая бумажка – в нем, как в капле воды, отразились все противоречия градостроительной политики и восприятия этой политики, которые сложились в современном обществе, а это, в свою очередь, уже привело и к формированию тех или иных мифов, фейков, опровержений и к той самой борьбе и оживленной дискуссии, и с исследовательской точки зрения все это невероятно занимательно.

П.К.: Такая еще иллюстрация к тому, как москвичи воспринимают изменения, которые происходят в Москве.

И.С.: Ну это вообще некий хайп. Потому что краснодарский парк, который построил частный инвестор Галицкий, он сейчас тоже преподносится как «краснодарское “Зарядье”».

М.М.: «“Зарядье” здорового человека».

И.С.: Не знаю про здорового-не здорового, как угодно, но это наименование там звучит и для меня это странно, потому что никакого отношения к этому не имеет. Ни концептуально, ни растительным дизайном, ничем. Кстати, растительный дизайн там полное говно.

П.К.: Ну имеет, наверное, раз так называется.

И.С.: Абсолютно никакого.

М.А.: А на тему воровства я могу рассказать смешную историю. Я совсем недавно был в экспедиции в Амурской области, в небольшом городе «Свободный», и там та проблема, которая приписывается «Зарядью», стала в полный рост. То есть там настолько все убито, что любые попытки что-нибудь посадить приводят к тому – там газоны, или не газоны, а хотя бы какие-то цветочки, – все это нещадно выкапывается местными пенсионерками и утаскивается на дачные участки. Вопрос некоторого уровня цивилизации. Некоторые помнят, что в начале 1990-ых лампочки в подъездах выкручивали, потому что это очень удобно: не надо покупать лампочку, а ты выкручиваешь, а потом себе вкручиваешь, и экономишь на лампочках. Но это некоторый цивилизационно-экономический период. И в тот день, когда я туда приехал, главным событием города было похищение качели из местного парка: действительно, все обсуждали, и в блогах, и на улицах. Услышали что качели украли. Значит, качели украли в первую же ночь, когда эту качелю повесили. И, когда мы обсуждали с местными жителями этот вопрос, в какой-то момент одна из них стукнула кулаком и сказала: «Да что качеля, у нас Путина украли!» Я спросил, как это произошло, и выяснилось, что местное отделение, кажется, молодежная ячейка «Россия Молодая», сделало картонного Путина в натуральную величину для какого-то мероприятия и, пока они за ним не уследили, какие-то предприимчивые жители его умыкнули. И стоит у нас Путин теперь, как бы, в огороде, на какой-то там Яблоневоу улице. Не очень понятно, он там пугалом работает или для красоты, но тем не менее. Вот, в некоторых городах Путина крадут, а тут немножко траву затоптали.

П.К.: Вообще, история с воровством цветов из клумб – она довольно типичная.

И.С.: При открытии Парка Горького реконструированного то же самое было.

П.К.: Но, как правило, дальше это постепенно изживается. Либо насыщаются личные участки, либо происходят изменения сознания.

И.С.: Но почему мы были вынуждены признать отсутствие этого – потому что «не пойман – не вор», а это были свидетельства сторонних посетителей, которые просто подошли и сказали: «А вот там вот накопили и унесли». И эта информация просочилась в СМИ и мы признали, что этого нет, потому что «не пойман – не вор».

Ил.Ив.: Нет доказательств?

И.С.: Нет доказательств, да. Это только свидетельства сторонних наблюдателей.

Е.Т.: Ирина, может, вы как-нибудь прокомментируете ажиотаж и эту историю с точки зрения градостроителя.

Ир.Ир.: С вытаптыванием?

Е.Т.: С ажиотажем, которое вызвало это место. Почему люди туда пошли и зачем?

Ир.Ир.: Это, с одной стороны, еще раз, это – центральная точка страны. Есть Кремль – место уже освоено, прочно освоено, есть территория, на которой все время что-то происходило исторически, – и здесь что-то совершенно новое возникло возле Кремля, небывалое с точки зрения использования земельных ресурсов, просто внутри той текущей градостроительной политики, которую мы имеем. И это вызывает, безусловно, интерес. Третье – это объект wow-архитектуры, как ее называют, это такая жирная точка, фиксация, Москва отметилась этим парком в том периоде, который во всем мире к началу или к середине, в некоторых местах, кончился, завершён этот период wow-архитектуры. У нас его не было как такового. Что касается профессионального интереса к этому парку в сообществе архитекторов, это – безусловно, пример того, что, оказывается, у нас есть мобилизационный ресурс чтобы строить сложные инженерные сооружения. Четвертое: это, безусловно, высочайший класс менеджмента. Этот парк был построен за три года, причем, мы знаем, что была битва буквально внутри департамента градостроительной политики, эта битва очень сокращала сроки и проектирования, и реализации. Нужно сказать, что в авральные условия работали и проектировщики, и главный архитектор. И, тем не менее, они это сделали. Конечно, за три года построить такой сложный парк – спроектировать и построить – это небывалая история в истории современной российской архитектуры. И еще один очень важный момент – здесь уже Игорь в том числе говорил – что политическое решение создать этот ажиотаж. Москва взяла курс на встраивание в мировые тренды, то есть в идеале Москва хотела бы выйти со своей повесткой на мировой контур, на контур мировых дискуссий. В идеале – для нас в идеале. А вообще, Москва хочет встроиться в какие-то мировые процессы и, безусловно, этим парком она это сделала. Какова задача? Мы не можем судить сейчас о внутренних мотивациях тех, кто принимал решения. Я подчеркну, что чиновник – не тот, кто создает идеи. Чиновники рассматривают массу идей. Целые отряды экспертов, всегда во всех странах, работают на правительство, выносят свои предложения и так далее, часть этих идей побеждает, часть этих идей гладко ложится на какое-то виденье тех кто принимает решения. Власть всегда принимает решения, а не создает идеи. И мотивация непосредственно, как мне кажется, мэра открыть так ажиотажно парк, в том, чтобы сказать миру – ну вы понимаете, миллион или сколько там, Игорь? в первый день, в свободный первый день.

И.С.: Ну порядка 60 000 человек.

Ир.Ир.: В какой период?

И.С.: В первый день.

Ир.Ир.: В первый день 60 000 по пригласительным?

И.С.: Да, по пригласительным.

Ир.Ир.: Нет, а вот в во второй, когда...

И.С.: Во вторые дни это уже даже до 150 [тысяч] зашкаливало.

Ир.Ир.: Ну, понятно. То есть большие цифры, они вот попадают в новостные ленты. Чем, собственно, Россия всегда выстреливала? Большими цифрами: самое высокое здание, самое протяженное что-нибудь, самая большая территория, самая низкая плотность населения.

П.К.: Колокол.

Ир.Ир.: Да. И понятно, что эту цифру нужно было создать. Потому что парки в мире строятся, в принципе... И вот эти три фактора, ага!: в самом центре, рядом с Кремлем; в самом центре страны; и, третье, 150 000. Огромная цифра. И это попадает в новости мира. Понятно, того мира, который хоть как-то на Москву смотрит, не то что бы там где-нибудь, я не знаю, в Канаде, заинтересовались таким парком.

Г.Я.: Ирина, а не могли бы вы поподробнее рассказать что-либо про то, как в департаменте градостроительства приняты изменения с парком?

Ир.Ир.: Я не могу рассказать, потому что это инсайдерские разговоры и так далее. Это лучше спросить у тех, кто в этом участвовал; я боюсь, что они тоже не очень смогут... Да, наверное, в капсулу времени надо интервью с ними положить.

Е.Т.: Спасибо. Визитной карточкой «Зарядья» стал «Парящий мост» и с ним тоже связан очень интересный миф, даже два. Первый заключается в том, что люди, которые стояли в очереди на вход, им было нечего делать, и они обсуждали почему же их не пускают. И одним из предположений было то, что мост не выдержит: мост такой красивый и замечательный, но нас не пускают, значит, он не выдержит. С архитектурной точки зрения наверное это было неоправданно, но почему появился такой образ моста, который хрупкий, который не выдержит всех желающих на него войти, почему это появилось? Борис.

Б.К.: Я не могу комментировать существующий проект, потому что не имею к нему отношения. Пусть кто-нибудь расскажет, [из тех] кто имеет.

Е.Т.: У нас больше нет архитекторов, к сожалению.

И.С.: Я могу прокомментировать. Ограничение на вход на мост было определено не той нагрузкой, которую могут создать люди, не той весовой нагрузкой, а именно в целях безопасности. Потому что ограждения стеклянные. Да, они выдерживают и соответствуют всем требованиям – кстати говоря, техническое задание на высоту ограждений писал я, и если бы я не определил его в метр пятьдесят, то оно было бы два метра. На тот момент, когда проект реализовывали, я сделал замечание, и тогда его сделали меньше.

Е.Т.: А почему?

И.С.: Я, в первую очередь, почему делал его низким? Потому что предполагал, что двухметровое просто чистить будет невозможно. Ну и, понятное дело, что это мост в центре. Что касается ограничений, то прежде всего это связано именно с безопасностью, потому что большой поток.

П.К.: Не потому что оно упадет, а потому что все друг друга затопчут и поскидывают.

И.С.: Да, да, да.

Ир.Ир.: Я, как архитектор – тут не единственный архитектор – добавлю, что вообще замечено, из опыта общения с клиентами совершенно разными: люди боятся в принципе, не имеющие отношения к проектированию и архитектуре, консольных конструкций. Там очень большая консоль. И эти мифы рождаются просто потому что это психология восприятия человека: все, что висит сильно, оно опасно.

М.А.: Я бы добавил еще про название. «Парящий» это все равно, что ковер-самолет. Есть ощущение, что, если он парит, то он может и упасть.

Е.Т.: А «Парящий» название было задумано изначально или оно пошло из народа?

И.С.: «Flying Bridge» по-английски. Тут такое: надо понимать, что это, конечно же, не мост, это видовая конструкция, видовая точка.

П.К.: Обслуживает-то его Гормост.

И.С.: Обслуживает Гормост, да.

М.М.: Ну если Гормост – то мост. [смеется]

М.А.: Ну Гормост и все подземные переходы обслуживает.

Г.Я.: И на этой прекрасной ноте, когда у нас Гормост обслуживает подземные мосты, мы переходим к теме «подземного» «Зарядья», к теме скрытого от глаз наблюдателей, поэтому генерирующего большое количество мифов. Здесь, наверное, нам интересна не столько фиксация каких-либо мифов, сколько выстраивание значимости этих мифов в целом в образе «Зарядья». Первый важный миф про подземное «Зарядье» – это миф о наличии разных силовых объектов под ним: ФСБ, тех же бункеров.

Ил.Ив.: Легенда. Не миф, легенда.

Г.Я.: Легенда. Ну какая разница-то.

П.К.: Давайте будем говорить «представление». А то мы сейчас не успеем.

И.С.: Да, на территории подземного паркинга находится специальное предприятие. Точка.

Г.Я.: [иронически] Точка.

П.К.: А можно я продолжу? Первый миф про подземное Зарядье, ну, хронологически по крайней мере, это – миф о том, что там очень глубокие подвалы и подземные ходы. И какие-то подземные ходы ведут в Кремль – это большинство подземных ходов из Зарядья, – а некоторые ведут в другие места, например, в сторону Серебрянического переулка, а один подземный ход, по слухам, ведет в Сергиев Посад. Это древние подземные ходы. Мифы не знаю насколько древние, но, по крайней мере, середины XX века. Кроме того, есть распространенное представление о разветвленной сети подвалов в Зарядье, которые связаны между собой и там очень удобно было укрываться от преследований милиции. Это связано с образом Зарядья как такого преступного района. Это известное представление, что там жили всякие воры и бандиты, которые в случае чего прятались в Зарядье. Собственно говоря, знаменитый эпизод из «Место встречи [изменить нельзя]», когда МУРовцы гонятся за бандитами, они едут в Сокольники, «В Сокольники он, гад, рвется, там есть где спрятаться» – говорит водитель МУРовцев, а в романе эта фраза звучит иначе: «В Зарядье он, сука, рвется, там есть где притыриться». Потому что в Зарядье, по социальному представлению, было где «притыриться», и «тырились», в основном, под землю.

Г.Я.: Еще один миф про подземное «Зарядье» – это наличие там парковки, но не на 450 мест, как официально, а на 1200.

И.С.: 430 автомобильных мест плюс 12 мес для стоянки техники, обслуживающей коммунальной техники.

Г.Я.: Значит этих 1200 мест там все-таки нет.

И.С.: Их нет. 430, согласно проекту.

П.К.: Если говорить все-таки про подземные сооружения, которые там, то там не то что парковка – там станция метро, которая ведет в Чехов, там оборудованные бункера для жизни, там огромная пятнадцатипятиэтажная вниз шахта и сто первый объект.

Г.Я.: А это сейчас был миф или реальность?

П.К.: Миф, конечно, я за мифы.

Ил.Ив.: Еще одна ремарка. Извините, пожалуйста, что перебил. Но почему, потому что, мне кажется, наличие секретных объектов под бывшей гостиницей «Россия» и под Зарядьем это такой «секрет Полишинеля», что это уже давно не миф, а городская легенда, можно сказать. Вот, на самом деле, я вам процитирую, я специально выписал для этого мифа. Дело в том, что, вполне возможно, мы можем

сделать такой вывод, что наличие этих объектов не позволило Юрию Михайловичу [Лужкову] в свое время с Шалвой Чигиринским там этот Лас-Вегас возвести, который они хотели там «по-бырому» построить после того как гостиницу «Россия» разобрали. Почему? 24 октября 2006-ого года президиум Высшего Арбитражного Суда признал недействительными итоги конкурса на реконструкцию гостиницы «Россия», который в ноябре 2004-ого года выиграла ST Development, этот скандальный конкурс. ST Development Шалва Чигиринского. Юристы тогда, все комментаторы, называли это решение беспрецедентным, потому что это было одно... то есть, практически никогда суды не выносили каких-то решений по искам против правительства Москвы, которые шли бы вразрез интересам правительства Москвы, и тут они выносят. И одной из возможных причин пересмотра дела юристы тогда называли тот факт, что правительство Москвы, заключив договор о предоставлении в аренду земли под гостиницу «Россия», нарушили земельный кодекс и права других собственников. А, собственно, дело в том, что в муниципальной городской собственности находилась только гостиница «Россия», а по крайней мере часть подвальных помещений под гостиницей «Россия» находилась в федеральной собственности и, как было заявлено на заседании президиума ВАС, «использовалась спецслужбами», кавычки закрываются. То есть, вполне возможно, что нарушение Юрием Михайловичем Лужковым интересов пользователей федеральной собственности подвальной, оно в том числе и послужило одним из импульсов того, что этот конкурс был признан недействительным. Потом, несмотря на все сопротивление правительства Москвы, другой суд, уже девятый арбитражный суд Москвы, признал и три контракта, заключенные на основании этого конкурса, тоже недействительными. Это из открытых источников, собственно, информация, это отчеты юридических деловых изданий различных.

П.К.: Мне кажется, нам нужно оставить идею выяснить что там на самом деле.

Г.Я.: Мы не собираемся выяснить, что там на самом деле.

П.К.: Тогда мы не сможем определить, что миф, а что нет.

Г.Я.: Мы не определяем, что миф, а что – нет в данном случае. Возникает сразу вопрос, он не был запланирован, но, может, кто-то сможет на него ответить: учитывает ли нынешний проект все те интересы и подвалы, которые до сих пор, возможно, находятся в «Зарядье», или они были как-то урегулированы?

М.А.: Я могу сказать, что представители соответствующих служб на этапе проведения конкурса контролировали этот процесс и свои интересы отстаивали; подозреваю, что в ходе реализации их сопровождение проекта продолжилось. Мне странно было бы предположить, что все с ними не согласовывалось и, значит, сделали как хочется американским проектировщикам.

И.С.: То же самое было и на этапе строительства, и я могу сказать, что есть регламент взаимодействия ГАУК [государственное автономное учреждение культуры – прим. ред.] «Зарядье» с этим самым специальным предприятием.

М.М.: Все что приводили, как говорят, каких-то специальных людей, которые говорили, что «можно это делать, а нельзя это делать».

И.С.: Не комментирую.

Г.Я.: На этой прекрасной ноте, наверное, мы и закончим наш сегодняшний круглый стол. Если есть вопросы из зала, то мы будем рады.

Д.В.: Вопросы, комментарии, легенды, мифы.

[небольшая неразбериха в зале, шум]

Вопрос из зала: Я немного не в теме архитектурных дискуссий, исканий журналистских, археологических выкладок Павла, но меня волнует вопрос насчет моста, как это называется, конструкции в общем: я на ней когда был, у меня было такое ощущение, что она вот-вот рухнет, и там было немного народу совсем, человек 300 что ли; и она качалась. Это так должно быть? По-вашему – это, наверное, больше к Игорю – сколько она может вообще простоять?

И.С.: Я не проектировал этот мост. Но уверен, что проект соответствует всем нормам и требованиям, которые предъявляются ко всем подобного рода уникальным конструкциям. Вылет консоли составляет 70 метров, суммарно 140 метров; я думаю, что объект прошел государственную экспертизу, проект прошел, поэтому все вопросы, наверное, к экспертизе и проектантам, больше чем ко мне. У меня таких ощущений, что что-то качается, нет.

Д.В.: Спасибо за вопрос, спасибо за ответ.

М.М.: У меня такой вопрос. В общем, наверное, все мнения здесь релевантны, может вы не можете ответить, но как бы что произошло с показом моды дочери Кадырова? В первую очередь это должно было быть в парке, потом на Парящем мосте, потом они отменили из парка и перенесли в Luxury Village Barvikha, а потом снова появилось в парке, только не на мосте, а в медиацентре.

И.С.: Я, к сожалению, не могу это комментировать, потому что это не в моей компетенции, [в ней] вопросы по ландшафту, по растениям, а наполнением культурной программы занимался совершенно другой отдел. Не могу ничего по этому поводу сказать. Мероприятия состоялось, все.

Вопрос из зала: Да, извините, вопрос больше к историкам и антропологам, он бы на самом деле не возник, но у вас очень странно развился момент, когда обсуждался вопрос с похищенными цветами. Меня это наткнуло на абсолютно антропологический нарратив, нарратив колонизации, установление евномии. Я дам усеченную схему: происходит некоторая... во-первых, как Павел прямо сказал, отсутствует что-либо на территории, существует голое место, туда происходит некоторое проникновение, после чего – фаза активной территориализации с борьбой, после этого – установление благозакония, евномии. Это стандартный, классический нарратив, и он при обсуждении вопроса с цветами был Ириной, Игорем и Павлом на

самом деле воспроизведен практически дословно, вне момента с оракулом и без обозначения нормативной части евномии. Если, – ну я надеюсь, что я достаточно понятно все воспроизвел, – он воспроизводится даже вами, возможно ли, что, учитывая, что точно такая же логика объяснения встречалась у [Ильи] Варламова, на Meduz'e, у Кирилла Мартынова, что эта логика осознанно воспроизводится властными институциями?

П.К.: Я не заметил ни в... ну, впрочем, не буду говорить про Ирину и Игоря, но что касается меня, я не приводил объяснение произошедшего, я просто говорил о том, что существует некий контекст, в котором имеет смысл рассматривать то что произошло. Разговор про цветы, вырванные из клумбы, он присутствует почти всегда, когда мы говорим о благоустройстве, которого раньше не было в каком-то месте, а потом оно стало. И конечно, это тема связанная с темой цивилизации, цивилизационного процесса, поскольку благоустройство рассматривается в определенном контексте, как элемент цивилизации. Вот.

Вопрос из зала (тот же спрашивающий): Эта цивилизация какого рода? Здесь, конкретно данный кейс, это вопрос перенятия некой цивилизационной нормы посетителями или привнесения посетителями цивилизационной нормы в место? Вы как думаете?

П.К.: Я думаю, что, во-первых, надо понять, о каком кейсе мы говорим: о том, что вырвали цветы или о том, что об этом стали говорить?

Тот же спрашивающий: о том, как об этом говорится.

П.К.: Я говорю просто про второе. Я не знаю, как об этом говорится, я просто говорю о том, что сама тема вырывания цветов, она ложится, на мой взгляд, в историю с благоустройством. И это один из сюжетов вот в этом контексте.

Тот же спрашивающий: Ну то есть вы предлагаете здесь просто не видеть нарратив [нрзб.], в классическом таком понимании.

П.К.: Я не знаю. Не знаю. Я скорее, мой меседж был в другом, что зарядьевская история, она скорее типична, чем уникальна.

Тот же спрашивающий: Ну я не настаивал на том, что здесь происходит нечто уникальное. Это наоборот...

П.К.: А я с вами не спорю, я поясняю то, что я сказал.

Тот же спрашивающий: Я, конечно, не говорил, что конкретно вы воспроизвели это так, но вы сделали это коллективно. Так что не принимайте только на свой счет.

П.К.: Тогда, возможно, вам надо собраться и повторить, потому что я не очень понимаю, каким образом можно то, что мы сказали втроем, объединить.

Тот же спрашивающий: Ну, видимо, не сейчас. Спасибо.

[заминка]

Вопрос из зала: Спасибо за обсуждение. У меня в связи с этим возник вопрос. Вы определили, Михаил, парк «Зарядье» как лакмусовую бумагу, общее место. Вообще, я с этим абсолютно согласна, он был таким на протяжении всей своей истории. И о том, что он обнажил противоречия внутри страны, города. Была ли возможность что-то сделать с этим местом, чтобы это не обнажало противоречий? То есть примирить это место с контекстом. Или просто такого не могло быть в принципе, в смысле парк это такое, то что там возникло, это прямое следствие политики и другого в современном контексте быть не могло?

М.А.: Это очень сложный вопрос, потому что это гипотетическое, в жанре альтернативной истории, «а вот если бы мы по развилке пошли в другую сторону?». Всегда как-то неуверенно себя чувствуешь на это отвечая. Мне, конечно, кажется, что тот путь, по которому развивался этот проект и тот проект, который был в конечном счете реализован, он в общем – один из наиболее смелых, ярких, радикальных способов вообще что-то сделать с этой территорией. С ней можно было, например, ничего не делать. Например, когда мы общались с экспертами из АрхНадзора в нашем исследовании, то у них, например, довольно популярная тема была, что, «ребята, мы живем в таком несовершенном обществе, с такой несовершенной, недостаточно развитой системой навыков проектирования», как известно, до этого последний новый парк в Москве был создан, если не ошибаюсь, в 1958-ом году, что «давайте лучше мы не будем это место трогать, а подождем, может быть, придут новые поколения, которые смогут сделать это как-то лучше», ну, не сотворим ошибок, мы понимаем, что архитектор здесь как сапер – ошибается только один раз: построил что-то ужасное, то следующий шанс будет как с гостиницей «Россия», может в какой-то момент снесут, а может будет стоять так долго. Можно ли было сам процесс проектирования этого парка сделать каким-то более демократичным и больше учитывающим какие-то интересы, запросы и потребности горожан и каких-то экспертных групп? Да, безусловно можно. С другой стороны, слишком радикальное потакание вкусам и запросам широких слоев жителей города может привести к довольно печальным результатам. Я лично считаю, что в некоторых областях искусства излишняя демократизация – это зло, не потому что «любит наш народ [всякое говно – цитата из песни гр. Ленинград – прим. ред.]», но в том числе, кстати, и поэтому, а потому что там, грубо говоря, когда мы задавали в каком-то контексте вопросы о том, каким горожане хотели видеть этот парк, это были удивительно банальные ответы. Это был, я бы сказал, архетип парка, где зелень, лужок, уточки и гипсовый если не пионер, то что-нибудь милое, красивое, может быть аттракцион для детишек. Стоило бы идти на поводу у людей и проектировать «Зарядье» именно таким? Нет, наверное это было бы неправильно. Но в этом смысле мы все-таки находимся на почве... Ну, развилок слишком много и сейчас ломать копыта и думать «а если бы...», и эффективнее просто посмотреть что же все-таки получилось.

И.С.: Можно личное мнение добавить? На самом деле то, что на этой территории доминирует растительность, она как раз таки заняла свое место, потому что до того момента, как первый человек ступил на этот берег, с лодки там сошел, там

была природа. На момент самый исторический. Самый исторический момент мы восстановили – именно это наличие природы.

М.А.: Надо сказать, что объединяло все эти нарративы и запросы – это то, что эта территория не будет восприниматься как один из самых страшных кошмаров, которые были у жителей, опасений, связанных с этой территорией, что под видом парка там все застроят. И поэтому все говорили, что зелени должно быть как можно больше и мы как могли тогда вместе с командой «Стрелки» отстаивали это, потому что под предлогом благоустройства были идеи протащить туда побольше капитального строительства. То, что все-таки зелени там действительно много и все-таки это действительно парк, это была установка у жителей, которую мы как могли старались протащить, и здорово, что что-то из этого получилось.

Ир.Ир.: Я добавлю относительно альтернативной реальности. На самом деле мы видели в тех проектах, которые были связаны с этим парком или вообще с этим местом, [созданных] в период после гостиницы «Россия», любой из этих проектов мог бы стать альтернативной тому, что получилось. Получился, на самом деле, гибрид. Первое – здоровые люди переживали, что там будет застройка, элитное жилье, достаточно высокоплотное и так далее, то есть нормальная капитализация (по стране с диким капитализмом) этого места. Другие переживали, и я таких коллег знаю, что это место неправильно используется, потому что, вроде, ценное место, а там всего лишь какой-то парк разбивают. Получился гибрид, и, на самом деле, этот гибрид – это результат по большому счету очень продвинутой формы взаимодействия. При всех отягощающих процессах, тем не менее, мы видим, что здесь проявлены не только интересы строительного комплекса, но также проявлены интересы профессионалов, в том числе антропологов: «Ну ладно, ну хотя бы “Зарядье”», – как Михаил говорил. Ну там есть что-то еще от того что вы сделали. Пусть. Мне кажется так.

Вопрос из зала: У меня короткий вопрос. Я бы, если возможно, к самому-самому началу хотел вернуться. Дискуссия сразу пошла в сторону и Илья и Павел, они не договорили, мне интересен этот вопрос про стену Китайгородскую: какой был аргумент у Сталина? Илья вот...

Ил.Ив.: А давайте лучше поговорим чуть-чуть, в контексте Китайгородской стены, чуть-чуть о другом. Дело в том, что в 2005-ом году, когда уже было принято решение о... Спасибо, собственно, за вопрос: Сталин никакого аргумента не дал, он просто своим постановлением в качестве председателя Совета Министров разрешил управлению строительства дворца советов разобрать стену и башню по Москворецкой набережной, ну и Наугольную башню с Космодемьянской. Без мотивации, там не было мотивационной части никакой, просто «разрешить»... Я могу сейчас в телефоне порыться и зачитать, но это не стоит того. Я бы коллег спросил несколько в другом контексте об этой истории. Дело в том, что в 2005-ом год МосСпецПроект «Реставрация» разработал научно-техническую документацию по восстановлению Наугольной и Космодемьянской башен Китай-города, прясла стены самого короткого между ними, но, по понятным причинам, это тогда не было реализовано – видимо, эту работу собирались возложить на инвестора, в данном случае на ST Development, которые выиграла этот скандальный конкурс тогда в ноябре 2004-ого года, но, по понятным причинам, из-за судов это не было реализовано. Затем, в 2015-ом году,

один частный меценат взял на себя инициативу восстановления Наугольной башни и Космодемьянских ворот, но там тоже, в силу ряда в том числе трагических причин, не будем сейчас о них говорить, это не получилось. Давайте, может быть, чуть-чуть поговорим о том, что есть такая историческая данность, что Китайгородская стена практически исчезла, осталась вот эта прясла, которую некоторые называют новоделом, осталась стена с глухой башней за «Метрополем» на Площади Революции, потом за Историко-архивным [институтом] что-то есть, с ласточкиными гнездами, которые там Бове после пожара построил. Надо ли это восстанавливать, хотя бы часть Вострого угла Китай-города? Нет ли сейчас ощущения, что – оставим за кадром как это технически сейчас, после открытия парка, сделать (и организационно), – но при следующей реконструкции парка, через 10 лет, давайте помечтаем.

М.М.: Библиотека уже через 10 минут закрывается, лучше бы не мечтать. Наверное, нужно закончить сейчас. Я просто хотел бы вам пояснить, что это мероприятие, которое сейчас происходит, это в контексте антропологических исследований про «Зарядье», про его будущее, его современность, его историю, и это мероприятие происходит в Высшей Школе Урбанистики, со студентами, я руковожу этим исследованием как антрополог. Итогом этого будет книга, «Зарядье» как призма разных процессов, которые происходят в Москве после снятия Лужкова с его позиции. Приходите, пожалуйста, на следующее мероприятие, оно будет уже в следующую среду и будут некоторые люди, которые сегодня, к сожалению, не пришли, например, Маша Пономарева из CityMakers, Дарья Сафиуллина – забавно было бы, если бы было двое Сафиуллиных сегодня, но не получилось. Надеюсь, что они придут. Галина Гордюшина из МосИнжПроект тоже придет. Тема всех этих мероприятий связаны между собой. Следующее будет об идеологии, культуре и власти, и тоже будет Григорий Ревзин, который согласился прийти и поговорить с нами об идеологических и культурных аспектах «Зарядья»; будет Николай Малинин, историк архитектуры, который сказал мне вчера, что нашел главный архитектор Москвы в 1961-ом году писал, что надо сделать парк в Зарядье. Наталья Зубаревич, географ и социолог, и политолог, надеюсь, что тоже придет, и [нрзб. из-за звонка телефона]. Приглашаю в среду, это будет в галерее «Триумф» на Ильинке. А потом в пятницу будет последнее, про эстетику и ландшафт, в Shukhov Lab. Или суббота это? Это суббота, да. Приглашаем, мы будем продолжать этот разговор, и о мифах тоже можно будет говорить. Я хотел сказать спасибо нашим гостям, за то что пришли и так долго говорили. [аплодисменты] А также поблагодарить организаторов этого мероприятия: Глеб, Даша и Катя. [аплодисменты]